

Примечания

1. Архив ИГП РАН. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 2312. Отчеты о научно-исследовательской работе Института за 1986, 1987, 1988 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.igpran.ru/about/history_of_the_institute/index.php (дата обращения: 12.04.2012).

2. Овсепян Ж. И. О ходе конституционной реформы в СССР // Известия вузов. Правоведение. 1991. № 3.

3. Официальный сайт Российской объединенной демократической партии «Яблоко». [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.yabloko.ru/Themes/History/sakharov_const.html (дата обращения: 12.04.2012).

4. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993гг.) : в 6 т. Т. 1: 1990 год / под общ. ред. О. Г. Румянцева. М., 2007. С. 34.

5. Предложения рабочей и экспертной групп конституционной комиссии РСФСР по структуре проекта Конституции и содержанию ее основных разделов // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993гг.) : в 6 т. Т. 1: 1990 год / под общ. ред. О. Г. Румянцева. М., 2007. С. 240.

Блещик Александр Васильевич,
аспирант кафедры конституционного права
Уральской государственной юридической академии,
г. Екатеринбург

Этнонациональное государство и федерализм

Федерализм зачастую определяется через понятия «принцип» или «режим»: «Современная наука конституционного права рассматривает федерализм как принцип, форму и режим государственного устройства, позволяющий обеспечить единство и разделение

государственной власти в условиях ее территориальной организации на нескольких уровнях» [1].

Как справедливо замечает эфиопский исследователь Ф. Алемайеху, «сегодня федерализм воспринимается как одно из наиболее совершенных средств разрешения межгрупповых и внутригосударственных противоречий» [2]. Появление федераций не всегда является закономерным и необходимым следствием решения национального вопроса и реализации права наций на самоопределение. Первые федерации образовывались безотносительного национального принципа.

Русский государствовед А. С. Яценко, изучая зарубежный опыт современного ему федеративного строительства, отмечал, что «...нормально федеральное государство возникает из разрастания территории, а не через разделение унитарного государства. Поэтому областной федерализм, превращающий унитарное государство в соединенные штаты, нужно считать имеющим очень мало шансов на успех» [3]. Таким образом, в представлении классика теории федерализма, создание федеративных союзов через образование национально-государственных единиц в структуре единого государства является в некотором смысле бесперспективным. Следует заметить, что на тот момент (1912 г.) масштабные процессы освобождения народов от колониальной зависимости крупнейших держав еще не начались, поэтому анализ государственного устройства национальных федераций и опыта их строительства был попросту беспредметным. Особый, практический интерес к федерализму как к принципу государственного строительства в многонациональном государстве и способу решения национального вопроса возник у большевиков. С установлением советской власти в России в 1917 г. федерализм стал восприниматься не как отвлеченный принцип обеспечения единства и децентрализации публичной власти, но как принцип правового оформления национальных отношений. Надо отметить, что накануне революции большевики не были последовательными сторонниками создания федерации в России, В. И. Ленин, в частности, писал о том, что необходимо «устранить из своей программы требование

федеративной республики, ограничиваясь требованием демократической республики вообще» [цит. по: 4]. Первоначально сдержанное отношение идеологов советского государства к федерации как форме государственного устройства Советской России сменилось очевидной симпатией, уже в марте 1918-го, формулируя очередные задачи советской власти, В. И. Ленин пишет: «Мы стоим за демократический централизм... Противники централизма постоянно выдвигают автономию и федерацию, как средства борьбы со случайностями централизма. На самом деле даже федерация ... если она основывается на серьезных национальных отличиях, вызывающих действительную необходимость в известной государственной обособленности, — даже федерация несколько не противоречит демократическому централизму. Сплошь и рядом федерация при действительно демократическом строе, а тем более при советской организации государственного устройства, является переходным шагом к действительно демократическому централизму» [5].

Рассматривая существующие в юридической литературе подходы к определению феномена федерализма, М. В. Глигич-Золотарева выделяет «предназначенность федерации для многонациональных государств» [4] в ряду видовых признаков федерации. Стоит отметить, что фактор этничности нередко ложится в основу классификации современных федераций (современных моделей федерализма). И. А. Умнова выделяет по этому основанию по меньшей мере три группы государств: «Первая группа — государства, которые претерпели распад и прекратили свое существование либо были преобразованы (СССР, Югославия, Чехословакия, Нигерия). Вторая — государства, сохраняющие государственную целостность, но претерпевающие внутренние катаклизмы в форме локальных национальных конфликтов, проявлений сепаратизма (Индия, Канада, Российская Федерация). Наконец третья группа государств — стабильные и относительно спокойные федерации (Бельгия, Швейцария)» [6]. Опыт регулирования национальных отношений в зарубежных федерациях будет рассмотрен далее.

Традиционно анализ федеративного устройства государства начинается с рассмотрения конституционно-правового статуса федерации и ее субъектов. Говоря о правовом статусе субъектов федерации, исследователи зачастую констатируют как фактическое, так и юридическое их неравенство. Федерации, где субъекты обладают равным правовым статусом, называются симметричными. Н. М. Добрынин указывает, что абсолютно симметричная федерация предполагает полное равноправие ее субъектов, их одинаковый статус и полномочия, и замечает, что на деле таких федераций нет [7]. Те федерации, в которых наблюдается юридическое неравенство субъектов, называются асимметричными. Нередко асимметричность федерации связывается с наличием в ней нескольких категорий субъектов [7]. Так, следуя этой логике, все национально-территориальные федерации (федерации, часть субъектов которых образована по территориальному признаку, а часть — по национальному) по определению не могут быть симметричными.

Классификация федеративных государств, с точки зрения учета этнического фактора в структуре федерации, позволяет выделить, как уже частично указывалось выше, национальные, территориальные и национально-территориальные федерации. Разумеется, существующее в современном мире многообразие моделей федерализма с трудом укладывается в это достаточно условное деление. И тем не менее, несмотря на уникальность каждой модели государственного устройства, можно утверждать, что те федерации, субъекты которых сохраняют характер этнонациональных государственных образований, где существует государствообразующий этнос, являются национальными федерациями. Статус национально-государственных образований в рамках федеративных государств имеет свою специфику. Такие государственные образования обычно имеют внешние атрибуты национальной государственности: национальный язык, национальные государственные символы, традиционные для данной нации наименования органов государственной власти и т. п. Как отмечалось выше, образование этнонационального субъекта федерации является

результатом реализации права нации на самоопределение, важной особенностью этнонациональных субъектов федерации в этой связи является сохранение за ними права сецессии — одностороннего выхода из состава федерации. Безусловно, это правило нельзя считать универсальным, однако, как отмечает В. Е. Чиркин, основываясь на анализе решений Верховного суда Канады, «субъект федерации может выйти из состава федерации, но такая возможность есть не у всякого субъекта федерации, а только если он имеет особый национальный состав, если за выход на референдуме субъекта федерации проголосовало большинство его участников (при участии более половины избирателей) и если это не ухудшает положения субъектов федерации, остающихся в ее составе» [8]. В. Е. Чиркин приходит к весьма интересному выводу: право сецессии принадлежит не субъекту федерации как публично-правовому образованию, а этносу, создавшему субъект федерации, если он создан по этническому признаку [8].

В свете вышеизложенного необходимо отметить особую роль, которую играет фактор этнической идентичности в процессе создания государств. Следует заметить, что в национальных федерациях крупнейшие этносы государственно организованы, а государственные образования этничны. Надо полагать, что федерации, которые объединяют несколько этносов в едином государстве и притом не отказываются от этничности, лишь укрепляют этим свою государственность.

Примечания

1. *Конюхова И. А.* Конституционное право Российской Федерации. Общая часть: курс лекций. М. : Городец, 2006. С. 522.
2. *Alemayehu F. W.* Conflict management in the Ethiopian Multi-national Federation. 2009. P. 13.
3. *Саликов М. С.* Сравнительный федерализм США и России. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА; Изд-во Гуманитарного ун-та, 1998. С. 30.
4. *Глигич-Золотарева М. В.* Теория и практика федерализма: системный подход. Новосибирск : Наука, 2009. С. 228.

5. Ленин В. И. Вариант статьи «Очередные задачи советской власти» // Собрание соч. в 35 т. М. : Государственное издательство политической литературы, 1941–1950. Т. 27. С. 180.

6. Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма. М. : Дело, 1998. С. 43.

7. Добрынин Н. М. Федерализм: Историко-методологические аспекты. Новосибирск : Наука, 2005. С. 143

8. Чиркин В. Е. Сравнительное государственное устройство: учебное пособие. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. С. 49.

Кырчиков Максим Сергеевич,
аспирант Института истории и археологии УрО РАН,
г. Екатеринбург

Приобщение молодежи к деятельности органов законодательной (представительной) власти: опыт Свердловской области

В последние годы в современной России как на федеральном, так и на региональном уровнях происходит значительное омоложение депутатского корпуса, новые кадры приходят и в органы исполнительной власти. Молодежь в регионах России становится деятельным элементом в конкретных моделях участия в политической жизни. Постепенно появляются новые общественные организации и институты [1]. Особенно плодотворно в этом плане развивается в настоящее время идея молодежного парламентаризма, имеющая своей целью формирование активной прослойки молодых людей, готовых принимать посильное участие в работе законодательных органов власти на совещательном уровне. Таким образом, происходит расширение рамок политического участия молодежи на уровне принятия решений, приобщение к законодотворчеству, повышение правовой грамотности. Несмотря на определенные трудности в организации деятельности подобных